

**Валентин
ДИКУЛЬ:**

ВКЛЮЧАТЬ ПОДБОРОДКОМ ТЕЛЕВИЗОР — ЭТО НЕ КО МНЕ

На него в прямом смысле молятся многие и многие тысячи. И те, кого он уже поставил на ноги, и другие — кому еще только предстоит сделать свой первый шаг.

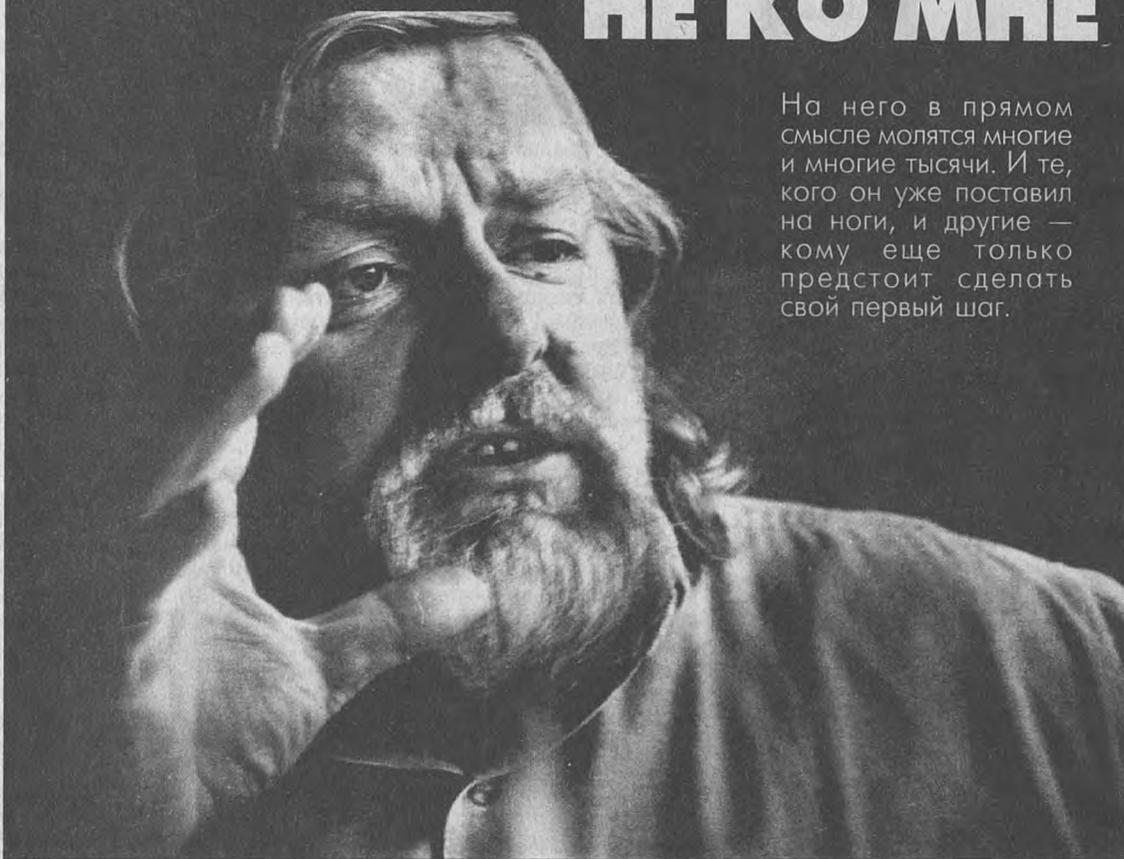

Фото Игоря Иванникова

внимание. А я продолжал занятия с гантелями, штудировал специальную литературу. И в результате спустя семь очень трудных лет вновь смог нормально ходить.

— Да ведь не только ходить. То, что Дикунь вытворяет на цирковой арене, — настоящая фантастика! Начиная от жонглирования трехпудовым шаром и заканчивая вашей знаменитой тысячекилограммовой “пирамидой” — трюк, который пока не удается повторить никому. Вы ведь стали самым сильным цирковым атлетом в мире?

— Не сразу. Я очень долго тренировался, занимался атлетической гимнастикой, составлял для себя специальные упражнения. Даже опытные циркачи меня в этом не поддерживали. Призер Олимпиады 1952 года Григорий Новак говорил: “Валентин, оставь эту блажь. Тебя надолго не хватит. Сорвешь здоровье и опять загремишь на больничную койку”. Но мое “ослиное упорство” было непобедимо.

— В цирке у вас складывалась блестящая карьера: любовь и восхищение публики, зарубежные гастроли. Чего еще можно желать? Однако вы посвятили себя еще и лечению больных...

— Дело в том, что параллельно с выступлениями на манеже я годами разрабатывал методику реабилитации людей с травмами спинного мозга. Я знал — если получилось у меня, значит, должно получиться и у других. Долго пробивал свою систему, доказывал, что я действительно могу поставить на ноги совершенно безнадежных пациентов. В результате защитил диссертацию и получил право на создание своего центра. Сейчас я доктор, профессор.

— О безнадежных больных... Американцы сняли о вас очень впечатляющий фильм “Два человека сказали слово “Да” — о том, как вы поставили на ноги пациентку из США. Расскажите, как это было?

— Карлана Стоун после автокатастрофы пять лет просидела в коляске. Отец ее, миллионер, возил дочь к лучшим специалистам-спинальникам всего мира. Ко мне они приехали всей семьей в сопровождении медицинских светил, которые высказались о моей методике весьма скептически. Я разозлился и заявил: у меня она через три месяца, пусть с палочкой, но будет ходить! Они решили весь

процесс лечения снимать на пленку. В финале, если вы видели этот фильм, Карлана самостоятельно одолевают первые метры, а я стою, как выжатая тряпка, — столько было отдано сил.

— С тех пор центры, действующие по вашей методике, открылись в Японии, США, Италии. Как там идут дела? Вы там бываете хотя бы с консультациями?

— Летаю каждые полтора месяца. На Западе инвалиды вообще живут в иных, чем у нас, условиях. Даже парализованные люди не вычеркнуты из жизни. Целая индустрия работает для них, выдавая все новые технические приспособления, облегчающие жизнь. Моя методика и вовсе многих подняла с постели. Поэтому иностранцы часто приглашают меня на работу за рубеж, сулят фантастические условия. Но после того, как я пробил свой Центр реабилитации больных со спинномозговыми травмами и последствиями ДПП (он находится в Останкине, в старинном парке усадьбы Шереметьева), меня нигде никакими калачами не переманишь. Тем более, что на строительство центра присылали переводы со всего тогда еще Союза — инвалиды, пенсионеры, родители больных детей. Как же я предаю своих?

— Как вы думаете, Валентин Иванович, если бы не та давняя трагедия с вами, жизнь сложилась бы удачнее?

— Будь у меня такая фантастическая возможность — прожить жизнь еще раз, я бы в ней мало что изменил. Даже, наверное, ту травму тоже бы оставил. Понимаете ли, чтобы стать кем-то, обязательно нужно пройти через испытания. И не сломайся тогда перекаладина, может быть, и не было бы сейчас никакого реабилитационного центра Валентина Дикуня, а значит, не было бы и сотен поднятых на ноги людей. Все в жизни предначертано.

— То, что вы здесь делаете, многие называют чудом...

— Никакого волшебства нет — всего лишь логично выстроенная система. Чем отличается моя методика от западной? Это как черное и белое. На Западе, если больной получил травму и сел в коляску, его приспособливают к этим новым для него условиям — к коляске. Учат подбородком включать телевизор, пересаживаются из коляски в кресло и обратно, технически оснащают быт. А наша

цель — поднять больного.

Вот вам последний пример — знаменитый футболист Сергей Щербаков. После того, как он получил травму, его три года возили по известным в мире клиникам и в результате доставили к нам в тяжелейшем состоянии. Ему никто помочь так и не сумел. Мы же всего за шесть месяцев поставили его на ноги, он теперь может самостоятельно передвигаться со специальными палочками. В спорт, конечно, уже не вернется, но ходить будет.

— Ваш центр прекрасно оборудован, здесь множество высокопрофессиональных специалистов. Наверное, лечение дорогое и доступно лишь избранным?

— Лечение действительно дорогостоящее. Но у нас железный принцип: жителей Москвы и Подмосковья лечим бесплатно. Ежегодно к нам выстраиваются тысячные очереди иностранцев, готовых заплатить большие деньги за свое выздоровление, однако им попасть к нам довольно сложно, потому что россияне — вне очереди. Мечтаю о строительстве региональных центров в России. Но кто готов выделить на это средства в нынешних-то условиях? Хотя никто в этой жизни не застрахован от неудачного прыжка, катастрофы или, увы, бандитской пули.

— За счет чего же удается организовать бесплатное лечение для россиян?

— Нам помогают государство, московские власти. В первую очередь Юрий Михайлович Лужков очень поддерживает.

— Работа с пациентами отнимает все ваше время. Да еще поездки с консультациями за рубеж. Я вас и на месте-то с трудом застал. А как же цирк?

— Бросить цирк невозможно, это — дом, жизнь, воздух. Моя жена Людмила — тоже артистка цирка, дочь Аня окончила Академию танца, и теперь готовит цирковой номер на проволоке. Те два года, что я вынужден был прожить без арены, дались мне очень тяжело. Когда заканчивается спектакль, прихожу на манеж, ложусь на спину, смотрю в купол, и у меня слезы текут. Раскрою вам небольшой секрет: осенью вновь начну выступать. Сейчас по вечерам стараюсь выкраивать время для тренировок.

Встречался
Александр ПЬЯНКОВ

— Валентин Иванович, насколько мне известно, цирком вы увлеклись еще в детстве. Это что — призвание, жажда славы?

— Я очень рано потерял родителей и потому воспитывался в детском доме в Вильнюсе. Мне было лет девять, когда туда приехал цирк-шапито. В те времена это было как глоток кислорода — детдомовская атмосфера очень угнетала, и я постоянно сбегал на городскую площадь, помогал строить цирк.

Потом наш детдом расформировали, и я попал в другой, в Каунас. Там тоже был цирк, в котором я сразу же стал постоянным гостем, а через какое-то время посту-

пил в цирковой кружок. Так и началась моя цирковая жизнь.

— Которая почти сразу и прервалась...

— Был концерт во Дворце спорта. Я работал номер на тринадцатиметровой высоте. Все шло великолепно. И вдруг лопнул штамперт, специальная стальная перекаладина. Помню противный металлический щелчок и тут же — стремительное падение вниз. Потом неделя без сознания в реанимации и приговор врачей. Поверить в то, что больше не смогу ходить, я был не в силах. Вот ведь мои ноги, целехоньки. Только почему-то ничего не чувствуют, лежат, как бревна.

— Сколько вам тогда было?

— Всего четырнадцать. И перспектива, казалось бы, ясна — всю жизнь быть прикованным к постели. Вот тут, наверное, и сказалась детдомовская закалка — постоянная борьба за выживание с самого детства. Мои тогдашние 14 лет — это как все 24 для человека, росшего с родителями.

В цирке я был воздушным гимнастом и хорошо знал, как работают мышцы. Поэтому после несчастия начал развивать именно те, которые еще действовали. Поначалу врачи и сестры смотрели на меня как на чудака, пытались запретить тренировки. Но вскоре отступились и перестали обращать

Взетъ клуб. - 1999. - 11 января. - 45.